

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.

«Кабы я была царица,—
Говорит одна девица,—
То на весь крещеный мир
Приготовила бы я пир».

«Кабы я была царица,—
Говорит ее сестрица,—
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».

«Кабы я была царица,—
Третья молвила сестрица,—
Я бы для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилась ему.

«Здравствуй, красная девица,—
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы же, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы.

Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».
В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.

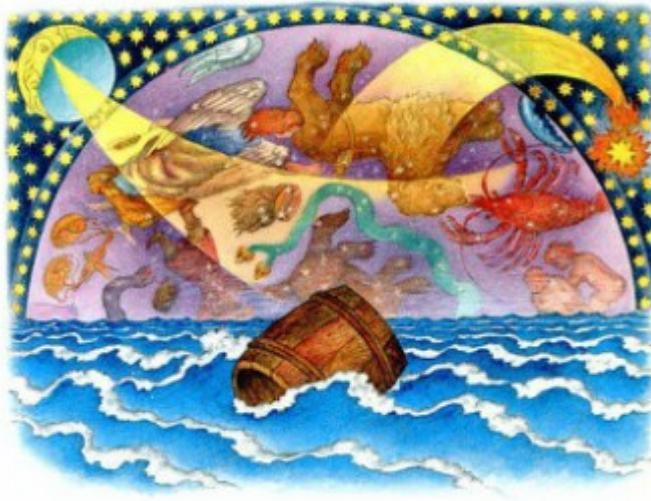
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.
В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;

Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую —
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел — царица во'пит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камниточишь,
Топишь берег ты земли,
Подымашь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.

Ломит он у дуба сук
 И в тугой сгибает лук,
 Со креста снурок шелковый
 Натянул на лук дубовый,
 Тонку тросточку сломил,
 Стрелкой легкой завострил
 И пошел на край долины
 У моря искать дичины.
 К морю лишь подходит он,
 Вот и слышит будто стон...
 Видно, на море не тихо:
 Смотрит — видит дело лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршун носится над ней;
 Та бедняжка так и плещет,
 Воду вокруг мутит и хлещет...
 Тот уж когти распустил,
 Клев кровавый навострил...

Но как раз стрела запела —
 В шею коршуна задела —
 Коршун в море кровь пролил.
 Лук царевич опустил;
 Смотрит: коршун в море тонет
 И не птичым криком стонет,
 Лебедь около плывет,
 Злого коршуна клюет,
 Гибель близкую торопит,
 Бьет крылом и в море топит —
 И царевичу потом
 Молвит русским языком:
 «Ты царевич, мой спаситель,
 Мой могучий избавитель,
 Не тужи, что за меня
 Есть не будешь ты три дня,
 Что стрела пропала в море;
 Это горе — все не горе.
 Отплачу тебе добром,

Сослужу тебе потом:
 Ты не лебедь ведь избавил,
 Девицу в живых оставил;
 Ты не коршуна убил,
 Чародея подстрелил.
 Ввек тебя я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись».
 Улетела лебедь-птица,
 А царевич и царица,
 Целый день проведши так,
 Лечь решились натощак.
 Вот открыл царевич очи;
 Отрясая грезы ночи
 И дивясь, перед собой
 Видит город он большой,
 Стены с частыми зубцами,
 И за белыми стенами
 Блещут маковки церквей
 И святых монастырей.

Он скорей царицу будит;
 Та как ахнет!.. «То ли будет? —
 Говорит он, — вижу я:
 Лебедь тешится моя».
 Мать и сын идут ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвон
 Поднялся со всех сторон:
 К ним народ навстречу валит,
 Хор церковный бога хвалит;
 В колымах золотых
 Пышный двор встречает их;
 Все их громко величают,
 И царевича венчают
 Княжей шапкой, и главой

Возглашает над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной

Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».

Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце
 С грустной думой на лице;
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Около царя сидят
 И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает
 За свой стол и вопрошает:
 «Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? куда?
 Ладно ль за морем иль худо?
 И какое в свете чудо?»
 Корабельщики в ответ:
 «Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо,
 В свете ж вот какое чудо:
 В море остров был крутой,
 Не привальный, не жилой;
 Он лежал пустой равниной;
 Рос на нем дубок единый;
 А теперь стоит на нем
 Новый город со дворцом,
 С златоглавыми церквами,
 С теремами и садами,
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон».
 Царь Салтан дивится чуду;
 Молвит он: «Коль жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу».
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 «Уж диковинка, ну право, —
 Подмигнув другим лукаво,
 Повариха говорит, —
 Город у моря стоит!

Знайте, вот что не безделка:
 Ель в лесу, под елью белка,
 Белка песенки поет
 И орешки все грызет,
 А орешки не простые,
 Все скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Вот что чудом-то зовут».

Чуду царь Салтан дивится,
 А комар-то злится, злится —
 И впился комар как раз
 Тетке прямо в правый глаз.
 Повариха побледнела,
 Обмерла и окривела.
 Слуги, сватья и сестра
 С криком ловят комара.
 «Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!..» А он в окошко
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.
 Снова князь у моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?» —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 «Грусть-тоска меня съедает;
 Чудо чудное завесть
 Мне б хотелось. Где-то есть
 Ель в лесу, под елью белка;
 Диво, право, не безделка —
 Белка песенки поет
 Да орешки все грызет,
 А орешки не простые,
 Все скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;
 Но, быть может, люди врут».
 Князю лебедь отвечает:
 «Свет о белке правду бает;
 Это чудо знаю я;
 Полно, князь, душа моя,
 Не печалься; рада службу
 Оказать тебе я в дружбу».
 С ободренною душой
 Князь пошел себе домой;
 Лишь ступил на двор широкий —
 Что ж? под елкою высокой,
 Видит, белочка при всех
 Золотой грызет орех,
 Изумрудец вынимает,
 А скорлупку собирает,
 Кучки равные кладет,
 И с присвисточкой поет
 При честном при всем народе:
 Во саду ли, в огороде.
 Изумился князь Гвидон.

«Ну, спасибо, — молвил он, —
 Ай да лебедь — дай ей боже,
 Что и мне, веселье то же».
 Князь для белочки потом
 Выстроил хрустальный дом.
 Каравул к нему приставил

И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...»

Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Межу моря и небес
На корабль — и в щель залез.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят.
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и спрашивает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;

Ель растет перед дворцом,
 А под ней хрустальный дом;
 Белка там живет ручная,
 Да затейница какая!
 Белка песенки поет
 Да орешки все грызет,
 А орешки не простые,
 Все скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Слуги белку стерегут,
 Служат ей прислугой разной —
 И приставлен дьяк приказный
 Строгий счет орехам весть;
 Отдает ей войско честь;
 Из скорлупок льют монету
 Да пускают в ход по свету;
 Девки сыплют изумруд
 В кладовые, да под спуд;
 Все в том острове богаты,
 Изоб нет, везде палаты;
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон».
 Царь Салтан дивится чуду.
 «Если только жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу».
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.

Усмехнувшись исподтиха,
 Говорит царю ткачиха:
 «Что тут дивного? ну, вот!
 Белка камушки грызет,
 Мечет золото и в груды
 Загребает изумруды;
 Этим нас не удивишь,
 Правду ль, нет ли говоришь.
 В свете есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипит, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Разольется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор.
 Это диво, так уж диво,
 Можно молвить справедливо!»
 Гости умные молчат,

Спорить с нею не хотят.
 Диву царь Салтан дивится,
 А Гвидон-то злится, злится...
 Зажужжал он и как раз
 Тетке сел на левый глаз,
 И ткачиха побледнела:
 «Ай!» — и тут же окривела;
 Все кричат: «Лови, лови,
 Да дави ее, дави...
 Вот ужо! постой немножко,
 Погоди...» А князь в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море прилетел.
 Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?» —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 «Грусть-тоска меня съедает —
 Диво б дивное хотел
 Перенесть я в мой удел».
 — «А какое ж это диво?»
 — «Где-то вздуется бурливо
 Окиян, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Расплеснется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор».
 Князю лебедь отвечает:

«Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.

Не печалься же, ступай,

В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,

Сел на башню, и на море

Стал глядеть он; море вдруг

Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге

И оставило на бреге

Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,

И, блистая сединами,

Дядька впереди идет

И ко граду их ведет.

С башни князь Гвидон сбегает,

Дорогих гостей встречает;

Второпях народ бежит;

Дядька князю говорит:

«Лебедь нас к тебе послала

И наказом наказала

Славный город твой хранить

И дозором обходить.

Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...

И опять она его
Вмig обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все триглядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздывается бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скром беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?

Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесь:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо.
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».

— «А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.

Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».

Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».

Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилась в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.

Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:

«Бог вас, дети, наградит».

Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон

Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и спрашивает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые.
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скромом беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней.
 А у князя женка есть,
 Что не можно глаз отвесь:
 Днем свет божий затмевает,
 Ночью землю освещает;
 Месяц под косой блестит,
 А во лбу звезда горит.
 Князь Гвидон тот город правит,
 Всяк его усердно славит;
 Он прислал тебе поклон,
 Да тебе пеняет он:
 К нам-де в гости обещался,
 А доселе не собрался».
 Тут уж царь не утерпел,
 Снарядить он флот велел.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Не хотят царя пустить
 Чудный остров навестить.
 Но Салтан им не внимает
 И как раз их унимает:
 «Что я? царь или дитя? —
 Говорит он не шутя. —
 Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
 Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
 Молча на море глядит:
 Не шумит оно, не хлещет,
 Лишь едва-едва трепещет.
 И в лазоревой дали
 Показались корабли:
 По равнинам Окияна
 Едет флот царя Салтана.
 Князь Гвидон тогда вскочил,
 Громогласно возопил:
 «Матушка моя родная!
 Ты, княгиня молодая!
 Посмотрите вы туда:

Едет батюшка сюда». Флот уж к острову подходит. Князь Гвидон трубу наводит: Царь на палубе стоит И в трубу на них глядит; С ним ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой; Удивляются оне Незнакомой стороне. Разом пушки запалили; В колокольнях зазвонили; К морю сам идет Гвидон; Там царя встречает он С поварихой и ткачихой, С сватьей бабой Бабарихой; В город он повел царя, Ничего не говоря. Все теперь идут в палаты: У ворот блестают латы, И стоят в глазах царя Тридцать три богатыря, Все красавцы молодые, Великаны удалые, Все равны, как на подбор, С ними дядька Черномор. Царь ступил на двор широкий: Там под елкою высокой Белка песенку поет, Золотой орех грызет, И зумрудец вынимает И в мешочек опускает; И засеян двор большой Золотою скорлупой. Гости дале — торопливо Смотрят — что ж? княгиня — диво: Под косой луна блестит, А во лбу звезда горит: А сама-то величава, Выступает, будто пава, И свекровь свою ведет. Царь глядит — и узнает... В нем взыграло ретивое! «Что я вижу? что такое? Как!» — и дух в нем занялся... Царь слезами залился, Обнимает он царицу, И сынка, и молодицу, И садятся все за стол; И веселый пир пошел.

А ткаиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилиу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Иллюстрации: Ст. Ковалев.